

САРКИСЯН ИННА РОБЕРТОВНА
доктор педагогических наук, профессор
Зав.кафедрой русского языка
Армянский государственный педагогический
университет им. Хачатура Абовяна
г. Ереван, Республика Армения

ТИПОЛОГИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ РУССКОГО И АРМЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

В разговорной речи каждого языка имеются *специфические способы словопроизводства*. В функционировании словообразовательных типов, общих для обеих разновидностей литературного языка (кодифицированный литературный язык/разговорный язык), наблюдается своеобразие. Рамки данного исследования охватывают только *суффиксальное* и *префиксальное* словотворчество русского языка в сопоставлении с армянским.

Суффиксальное и префиксальное словообразование русской разговорной речи характеризуется такими явлениями как большая активность индивидуального словотворчества, контраст имени и глагола в словообразовании, специфические разговорные способы словообразования, расчлененность слова, динамический характер разговорного словообразования и др. Следует сразу же оговорить, что в армянском языке разговорное словотворчество имеет не столь активный характер, поскольку армянский язык более связан с ограничениями.

Свойственная разговорной речи русского языка свобода от действия ограничений разного рода обнаруживается в чрезвычайной активности и оригинальности индивидуального словотворчества: *стукалки – каблуки, считалка – сетная машина, защищальщицы – аспирантки, защищающие*

диссертации. Подобные слова, как правило, связаны с породившей их конситуацией, в которой они получают определенное осмысление. В армянском языке в аналогичных конситуациях употребляются либо литературные слова, либо их просторечные варианты, либо искаженные словарные единицы русского языка (н-р, клаблук /каблук).

На наш взгляд, для русского языка следует выделить три основные цели разговорного слвотворчества: стремление к более краткому и простому способу номинации; установка на шутку, “языковую игру”; стремление показаться стильным, модным, современным. С данной целью в разговорном армянском языке используются заимствования с английского языка (шопинг/*շոփինգ*, дансинг/*դանսինգ*, маркет/*մարկետ*, бойфренд/*բոյֆրենդ*), проникающие в большинстве случаев через язык-посредник – русский.

Следует отметить, что в русском языке концентрация слов, создаваемых в вышеотмеченных целях не столь велика, как это может показаться. Особенность разговорной речи состоит не в их большей употребимости, а в *принципиальной возможности* и *частотности* их появления в любом тексте русской разговорной речи, чего нельзя сказать об армянском языке. Частота употребления таких слов в различных текстах неодинакова. Она зависит от ситуации общения и от индивидуальных склонностей, способностей и интеллекта говорящего. Более того, некоторые слова, привычные для определенного круга лиц, в другом коллективе могут восприниматься как необычные, вульгарные и пр.

Свойственное современной русской разговорной речи использование ***индивидуальных неологизмов*** – явление сложное и неоднородное. С одной стороны, его можно рассматривать как стремление освободиться от шаблона, жажда речетворчества, желание проявить свою индивидуальность, оригинальность, а с другой стороны – это нежелание утруждать себя поискам готового, имеющегося в языке слова или

построением сложной синтаксической конструкции. В противоположность этому следует констатировать, что для армянского языка создание индивидуальных неологизмов нехарактерно.

Одна из важных особенностей русской разговорной речи в сфере словообразования состоит в *резком противопоставлении имени и глагола*, что нехарактерно для армянского языка. В именном словообразовании имеются специфические для разговорной речи способы и средства словообразования (*преимущественно экспрессивные*), тогда как в производстве глаголов действуют в основном те же аффиксы, что и в книжном языке. Специфичен лишь суффикс *-ану*, обозначающий интенсивность и однократность действия (*долбануть, сказануть, прыгануть и т.д.*). Именно поэтому экспрессивность, свойственная разговорной речи, у имен создается обычно словообразовательными аффиксами, а у глаголов – экспрессивными основами. В русской разговорной речи широкоупотребительны глаголы с метафорически переосмысленными или опустошенными корнями (*всобачить, запузырить, засупонить, притарабанить* и т. д.), глаголы просторечные и жаргонные. В настоящее время подобные глаголы нередко попадают в письменную речь, например, в язык газет.

К специфически разговорным способам словообразования относится *универбация*, являющая собой способ образования слов на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания: по форме производное соотносится с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием. Особенно продуктивен тип имен существительных женского рода с суффиксом *-к(а)*, образуемый от основ прилагательных на базе сочетаний “*прилагательное + существительное*” и являющийся семантической конденсацией последних. Сочетания указанной структуры имеют характер номинации, легко могут быть “свернуты” в существительное на *-к(а)*: *комсомолка*

(Комсомольская правда), курилка, читалка, зачетка, девятиэтажка, маршрутка, зарубежка (зарубежная литература), родилка и т. д.

Для армянской разговорной речи урбанизация не характерна, однако туда активно проникают лексические единицы русского языка. В этом аспекте русские существительные на **-ка** оказываются наиболее активными и популярными в армянском языке: курилка/*կուրկիկա*, зачетка/*զաչետիկա*, маршрутка/*մարշրտիկա*, зеленка/*զելենիկա* и др.

Существуют и другие менее продуктивные суффиксы, служащие универбации, например, **-ушк(а)**: раскладушка, двушка, толстушка. И в этом случае в армянскую разговорную речь проникают лексические единицы русского языка, однако менее активно: раскладушка/*раскладушка*.

Любопытен факт калькирования армянской разговорной речью слов, появившихся в русском языке в советский период, нередко в искаженном виде: декрет/*դեկրետ*, вихадной/*վիխիտայն*, лабораторны работа/*лабораторни работ*. Слова и словосочетания, появившиеся в постсоветский период не калькируются (Ср., магистерская работа - магистерская, но *магистерская работ*).

Для разговорной речи русского языка специфично производство существительных способом *усечения производной основы*. Усечению могут подвергаться основы существительных и прилагательных. Усечение основ существительных часто происходит не на морфемном шве: магнитофон - маг, бадминтон - бад, университет - универ, интернет - инет. Если усечению подвергается сложное слово, то обычно отсекается его вторая часть: госэкзамен - гос, пединститут - пед, мединститут - мед.

В целом, для армянского языка усечение основы нехарактерно, однако поскольку армянская разговорная речь характеризуется употреблением большого количества русских слов, постольку именно

русские лексические единицы подвергаются в армянской разговорной речи усечению: сал (сало)/*ուտլ*, крыши (крыша)/*կրիշ*, клубник (клубника)/*կլոբնիկ*, сметан (сметана) / *սմեփնի*. Как правило, усекается грамматический показатель ж./ср. рода, тем самым слово приближается к звучанию армянских лексических единиц, подавляющее большинство которых оканчиваются на согласный. Здесь имеет место грамматическая интерференция, представляющая собой одну из самых сложных проблем в языкознании. Одни ученые (например, А. Мейе и Э. Сепир) придерживаются мнения, что влияние языков друг на друга в области грамматики исключено, другие (например, Г. Шухардт) утверждают обратное. У. Вайнрайх объясняет подобную противоречивость мнений несогласованностью понятий и терминологии. Он подчеркивает, что главным требованием при рассмотрении грамматической интерференции является описание контактирующих языков одними и теми же терминами [1]. Данный тип интерференции связан с невольной и естественной интерпретацией грамматических категорий второго языка сквозь призму родного.

Несмотря на то, что *уровень морфологии* все же считается самым стойким к влиянию других языков, интерференция армянского языка проявляется достаточно последовательно. Главной причиной этого являются значительные типологические несоответствия двух неродственных языковых систем, а именно, при совпадении частей речи несовпадения определенных грамматических категорий; при совпадении грамматических категорий наблюдаются различные способы их выражения.

Важно подчеркнуть, что усечению подвергаются обычно те слова, которые для данного лица или группы лиц привычны. В русском языке если усечению подвергается основа прилагательного, то отсекается обычно суффикс или суффиксоподобная часть: *примитивный* – *примитив*,

банальный – *банал*, *изысканный* – *изыск*. Усеченное слово может иметь значение отвлеченного признака (синонимичного суффиксальным словам на -ость и -щина (*примитив* – *примитивщина*, *примитивность*) или обозначать лицо или предмет, наделенный данным признаком. Кроме того, способом усечения основ прилагательных образуются существительные, конденсирующие семантику словосочетания “*прилагательное + существительное*”: *дектерный отпуск* – *декрет*. В армянскую разговорную речь проникают именно усеченные варианты прилагательных, поскольку в данном случае, как правило, усекается характерный для русского языка суффикс и слово приобретает звучание, близкое армянскому языку: *банал/բանալ*, *нейтрал/նեյտրալ*, *примитив/պրիմիտիվ* и т. д.

В кодифицированный литературный язык проникают лишь отдельные лексемы, произведенные этими словообразовательными способами, узаконенные узусом в силу длительной традиции употребления (*метрополитен* – *метро*, *электропоезд* – *электричка*), тогда как в разговорной речи эти способы обладают высокой продуктивностью. Образование подобных слов – живой процесс, перманентно протекающий у нас на глазах.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что армянскую разговорную речь в целом можно охарактеризовать незначительным процентом словообразовательной активности и активным процессом интерференции на лексическом уровне, которая выражается в использовании лексических единиц русского языка. При этом следует отметить, что заимствованные лексемы могут либо употребляться в соответствии с фонетическими правилами языка источника, либо приспосабливаться к фонетическим особенностям языка-реципиента.

В армянской речи субординативных билингов русские лексемы в основном подвергаются фонетическим модификациям, нередко имеющим

варианты, типа: *целофан – целуфай; сосиски – сасунски, сасуски, сасински; колбаса – калбаст, сметана – сметан* и т.д. Иногда при фонетических изменениях наблюдаются и параллельные морфологические изменения, например: *семечки (мн. ч.) – семушка, шемушка (форма ед. ч., употребляемая в значении мн. ч.); пирожок (ед. ч.) – перажки (форма мн. ч., употребляемая в значении ед. ч.)* и др. Отметим, что при использовании русских лексем в армянской разговорной речи координативных билингвов подобные явления не наблюдаются.

Интерференционный процесс на лексическом уровне очень трудно постоянно контролировать, поскольку этот уровень языка всегда открыт для проникновения новых единиц, особенно в настоящее время в связи с активными процессами глобализации и постоянных контактов (личных, политических, экономических и т.д.). Как известно, интерференция сначала возникает на стадии устного общения, в процессе которого индивид вносит в свою речь элементы чужого языка. Эти элементы на начальной стадии воспринимаются носителями данного языка как отклонения от его нормы. Со временем такие отклонения могут получить широкое распространение и закрепиться в употреблении, войти в систему данного национального языка. В лингвистической литературе данный процесс принято называть *интеграцией* или *интерференцией в языке*. Естественно, что не каждый заимствованный элемент может освоиться в другой языковой системе. Окаzionaliальные явления нередко остаются в сфере разговорного языка и продолжают восприниматься как отклонения от нормы. Постепенно они могут выйти из употребления. Такие случаи называются *интерференцией в речи* [2, с. 30].

В связи с противопоставлением интерференции в языке и в речи У. Вайнрайх отмечает, что в речи первостепенными факторами являются восприятие элементов другого языка и мотивы этого заимствования, а в языке главный интерес представляет фонетическая, грамматическая,

семантическая и стилистическая интергация иноязычных элементов [1, с. 45-46]. Все многочисленные подходы к проблеме межъязыковой интерференции можно, вслед за О.А. Шаблеем, обобщить следующим образом: это сознательный процесс / или результат смешения структур разных языков на всех языковых уровнях или перенесение определенных структур или элементов одного языка в другой, которое происходит (или уже произошло) в речевой деятельности билингва [4, с. 372].

Литература:

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.
2. Абдигалиев С.А. Интерференция на уровне лексического сочетания // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата, 1985.
3. Вайнрайх У. Указ. соч.
4. Шаблей О.А. Межъязыковая интерференция как психологическая универсалия. Языки и концептуальная картина мира. Сборник научных трудов. Киев, 2000.